

A person in a dark, hooded jacket and pants is running through a dense, misty forest. The scene is dimly lit with a greenish-yellow glow. In the background, several tall, thin, ghostly figures are visible, appearing to be made of smoke or mist. The person is in the foreground, looking back over their shoulder with a concerned expression. The forest floor is covered in fallen leaves and branches.

Джош Малерман

МЭЛОРИ

Джош Малерман

Мэлори

Серия «Птичий короб», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63737683
Мэлори. Роман: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133452-9*

Аннотация

Двенадцать лет прошло после страшной ночи бегства Мэлори с детьми из кишашей тварями местности. Двенадцать долгих, полных напряженного ожидания лет – не скрипнет ли ветка, не раздастся ли за спиной звук тяжелого дыхания.

Между тем постапокалиптический мир продолжает сопротивляться вторжению. В небольших поселениях люди пытаются построить новое общество, – общество, готовое быстро отреагировать на любую угрозу. Но печальный опыт Мэлори говорит о том, что безопасность и стабильность – очень хрупкие стены, которые в любой момент могут рассыпаться в прах.

Тревога за детей ни днем ни ночью не отпускает Мэлори – как ей справиться с подростками, жаждущими выбраться наружу из душных комнат? И как объяснить строптивым юнцам, что каждый прожитый день лишь повышает шансы столкнуться со злом...

Читайте долгожданное продолжение бестселлера «Птичий короб»!

Содержание

Школа для слепых Джейн Такер	5
Десять лет спустя	19
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	65
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Джош Малерман

Мэлори

Роман

Посвящается Кристин Нельсон

Josh Malerman
Malorie

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

© Josh Malerman, 2020 Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Школа для слепых Джейн Такер

Мэлори стоит в пустом кабинете, вжавшись спиной в кирпичную стену.

Дверь заперта. Свет выключен. Глаза защищены повязкой.

За дверью, в коридоре, уже началась резня.

Тогда в доме, пока она рожала Тома, ее соседи, еще несколько минут назад совершенно нормальные, так же рвали себя и друг друга на куски. Мэлори хорошо помнит эти звуки, они много лет преследуют ее в кошмарах.

Сейчас Том остался где-то там, посреди безумия.

Вдох. Пауза. Выдох.

Мэлори тянется к ручке. Прислушивается к воплям. Нужно отпереть дверь, выйти и найти детей.

В коридоре раздаются глухие удары. Кто-то бьется головой о стену.

Мэлори отдергивает руку.

Олимпию она последний раз видела в библиотеке. Девочка читала книгу для слепых. С ней было еще человек двенадцать – слушали музыку (из школьных репродукторов до сих пор звучит классика).

Мэлори старается различить голоса в библиотеке. Надо понять – дошло ли безумие и туда. Если дошло, она сначала пойдет искать Тома.

Мэлори напрягает слух.

Она никогда не будет слышать так же хорошо, как ее дети. Но за годы жизни в школе для слепых имени Джейн Такер она успела кое-чему научиться.

Слишком шумно. В общем хаосе невозможно различить отдельные голоса.

Мэлори вспоминает про слепую Анетт. Всего несколько минут назад Мэлори направлялась в столовую, и вдруг кто-то испуганно закричал: «Анетт, что с вами?!» Потом из-за угла показалась сама Анетт – она шла по коридору с ножом в руках, полы синего халата и длинные рыжие волосы развевались от быстрой ходьбы. Мэлори отметила ее бессмысленно блуждающий взгляд, быстро зажмурилась и замерла.

«Она же слепая! Почему она сошла с ума?» – подумала тогда Мэлори.

Анетт, тяжело дыша, прошла мимо. Откуда-то донесся истошный вопль. Мэлори, не открывая глаз, попятилась в ближайший класс и заперла дверь.

Мэлори снова тянется к ручке. Тома она оставила в учительской, он сидел, глядя на обломки своего последнего изобретения. Ее шестилетний сын вечно что-то изобретает, как и Том-старший. По идее, умилительно. В прошлой жизни Мэлори обязательно умилилась бы. Теперь, в новом мире, она ломает все его поделки и напоминает сыну – повязке и только повязке можно доверять.

Но как же Анетт? Она слепа. И тем не менее безумна.

В коридоре творится что-то невообразимое. Дерутся двое. Судя по голосам, мужчина и женщина. По звукам Мэлори ясно представляет себе всю картину. Противники царапают, рвут друг друга. Стараются выдавить глаза, душат. Хрустнула кость, кто-то разорвал противнику горло.

Неужели это возможно? Голыми руками...

В закрытую дверь ударяется тело и сползает на пол. Победитель тяжело дышит.

Вдох. Пауза. Выдох. Мэлори старается унять панику и слушать. Надо отключиться от тяжелого дыхания за дверью, от криков обезумевших и попытаться различить отдельные слова – понять, что происходит там, где находятся дети. Она снова вспоминает роды – на чердаке, в первом доме. Там было гораздо меньше народу, чем здесь. Вспоминает, как кто-то закричал внизу: «Не открывай окно!»

Кто из них тогда сорвал с окон одеяла?

Дыхания за дверью больше нет, зато звуки из дальнего конца коридора стали громче – люди бьются о стены, колотят друг друга. Изредка еще слышны разумные голоса.

Мэлори открывает дверь.

В коридоре ничего не происходит. Никто к ней не бежит. Все тихо. Тот, кто стоял за дверью, ушел. Из глубины здания доносятся жуткие крики. Предсмертные хрипы и мольбы. Трещит под ударами кулаков деревянная обшивка стен. Люди вопят, выкрикивают что-то бессмысленное. Плачут дети. В репродукторах играет классическая музыка.

Мэлори перешагивает через тело, выходит из класса и идет вдоль стены. Ревет сигнализация. Значит, кто-то открыл входную дверь. Ритмичные гудки сирены перекрывают музыку из репродукторов. Сочетание настолько нелепо, что Мэлори пугается – вдруг она уже сошла с ума?

Где-то там, в этом ужасе, ее дети.

Мэлори не хочет даже представлять происходящее, она старается отгородиться, мысленно еще раз закрыть глаза – плотно сомкнуть веки, надежно защищенные повязкой.

Дрожа, она скользит вдоль стены, подавляя желание позвать Тома и Олимпию.

Вдох. Пауза. Выдох.

Кирпичная стена цепляет ткань ее белой майки на спине, выступы царапают обнаженные плечи и руки. Она подходит к концу коридора – рыжая Анетт с большим ножом в руках бежала оттуда – из-за угла. Вой сирены громче. Крики раздаются совсем близко. Кто-то идет навстречу; слышны тяжелые шаги и пытение – видно, человек не привык к быстрой ходьбе.

Мэлори замирает.

Он прошел мимо, тяжело дыша и бормоча себе под нос. В своем ли он уме? Мэлори не знает. И откуда ей знать? Она скользит дальше, прижавшись спиной к стене, и думает, что благодарна за два прожитых под этой крышей года. За уют. Но ужас быстро вытесняет признательность. Случилось страшное – все-таки случилось.

Будь начеку! – ее главная заповедь. Она нарушила ее, ослабилась и вот – потеряла из виду детей.

Музыка и вой сигнализации становятся громче. Раздается звон – удар металла о металл.

Мэлори слышит чужих детей, однако не пытается успокоить. Не пытается нащупать их и помочь. Она продолжает двигаться, вжавшись в стену и до крови царапая кирпичами спину.

Кто-то шлепает по полу, шаги приближаются. Мэлори задерживает дыхание. Идущий останавливается перед ней.

– Мэлори?

Понятно, глаза открыты. Женщина. Мэлори пока ее не узнала.

– Пожалуйста, отойдите! – слышит она собственный голос.

И вспоминает, как шесть лет назад на чердаке она так же умоляла оставить ее в покое.

– Мэлори, что случилось? – говорит женщина.

Кажется, ее зовут Фелис. Только это не важно, главное – в своем ли она уме.

– Они что... пробрались внутрь? – спрашивает женщина. Потом добавляет: – Все сошли с ума!

Мэлори молча идет дальше. Вполне возможно, женщина вооружена.

– Не ходи туда! – предостерегает женщина, задерживая Мэлори за руку.

Мэлори вырывается, стукнувшись локтем о стену.

– Ты что? – возмущается женщина. – Думаешь, я тоже сумасшедшая?

Мэлори двигается дальше, вытянув перед собой руки, на случай если женщина попытается напасть. В конце коридора – Мэлори помнит – стоит большой стеклянный шкаф, в котором хранятся школьные кубки и награды. И все же она не успевает вовремя помедлить и врезается в него плечом.

Резкая боль, теплые ручейки крови. Мэлори вскрикивает, однако ее голос тонет в нарастающем шуме. Она идет дальше, пальцами оставляя на стене кровавый след.

Шум приближается – лязг ножей, удары кулаков, визги, вопли.

Кто-то трогает ее за плечо. Мэлори быстро оборачивается и наугад толкает – руки проваливаются в пустоту. Рядом – никого. По спине бегут мурашки.

Она думает про Анетт, обезумевшую несмотря на слепоту. Да, люди теряли рассудок и до нашествия, но безумие, которое насылают твари, ни с чем невозможно перепутать. Анетт явно тронулась умом не сама по себе. Как же они до нее добрались, если она невидящая?

– Мама!

Мэлори замирает. Кричат издалека. Неужели это Олимпия, ее приемная дочка?

– Да выключите вы музыку! – говорит Мэлори вслух, чтобы услышать собственный голос – голос разумного челове-

ка. Идет дальше, нащупывает доску объявлений на стене – последние два года она читала здесь анонсы школьных мероприятий.

Впереди визжат, трещит деревянная обшивка. Мимо пробежал человек, в погоню за ним – другой.

Мэлори не издает ни звука, идет вдоль стены. Дрожат колени, болит порезанное плечо. Она прислушивается, старается различить детский голосок, который только что ее позвал. Прорвался на секунду и потонул в шуме побоища, развернувшегося в холле.

Мэлори заставляет себя идти – пусть медленно, только не останавливаться. Быть начеку, стоять на ногах.

Кричит ребенок. Мальчик. Кажется, уже сумасшедший.

Вдох. Пауза. Выдох.

Мэлори идет. Ужасные звуки становятся громче – все обитатели школы разом лишились рассудка. Кричит еще один ребенок. Потом еще.

– Они проникли внутрь, – говорит она.

На этот раз собственный голос ее не успокаивает.

Справа сильно хлопает дверь, дом сотрясается от удара. Впереди и немного слева дребезжат колеса, и что-то врезается в кирпичную стену (наверное, столовская тележка). Люди выкрикивают грязные ругательства.

Мэлори отказывается представлять происходящее. Лица мужчин и женщин, которые два года делили с ней кров. Следы побоев, кровь. Остатки еды на стене, куда въехала тележ-

ка. Поломанные вещи. Мэлори боится даже думать. Можно сойти с ума от одной мысли.

Однако главное – не представлять тварей. Строго-настро-го себе запретить!

Что-то бьет по больному плечу. Мэлори накрывает ушиб-ленное место ладонью. Она боится прикосновений. Вспоми-нает Анетт. К Анетт прикоснулись... Неужели они научи-лись... трогать?

Нет, наверное, просто отлетела щепка. Или обломок кир-пича. Или чей-то палец, отрубленный в драке.

Женский вой. И вдруг – Мэлори прислушивается, – снова детский голос.

– Мама! – раздается совсем рядом, и маленькая ручка ло-жится в ее ладонь. Это Олимпия!

– Пойдем! – тянет Олимпия.

Безумие в холле достигло пика. Мэлори не спрашивает, почему они идут прямо на шум драки, а не в другую сторону. Значит, там Том. Нужно пересечь холл, чтобы его найти.

Олимпии всего шесть, однако Мэлори ей доверяет. Она идет за дочкой и плачет. Ей кажется, она снова в доме и Дон сорвал с окон защиту. Только на этот раз она не наверху, а внизу, вместе с остальными. В тот день погиб Том-старший. В честь него Мэлори назвала сына. На самом деле, тогда Мэ-лори была в относительной безопасности – ее поместили на чердак. А сейчас она в самой гуще, побоище развернулось совсем рядом, а не этажом ниже. Люди теряют человеческий

облик. Еще недавно здоровые мужчины и женщины крушат все вокруг, изрыгают ругательства, истязают себя, кидаются друг на друга.

Грохот – упало что-то очень большое. Потом – звон разбитого стекла.

Теперь Мэлори не смогла бы расслышать, что говорит дочка. Они пробираются через дерущихся. Олимпия крепче сжимает руку. Кто-то толкает Мэлори в бок, она бьется плечом о каменную стену. Некоторые голоса еще узнаваемы. Мэлори с детьми прожила в школе два года. Со всеми познакомилась. Даже подружилась. Хотя считала ли она обитателей школы друзьями?

Мэлори рада, что так неукоснительно соблюдала правила безопасности, несмотря на насмешки окружающих. Обитатели школы не понимали, зачем она носит повязку в помещении. О, как они злились! Считали ее высокомерной.

– Том! – Это голос Олимпии (если только не показалось).

Мэлори назвала мальчика в честь другого Тома – мужчины, который стал для нее идеалом, который умел радоваться жизни даже в самые жуткие времена. Том-младший растет точной копией взрослого Тома, хоть и не приходится ему сыном.

Несмотря на все запреты, он вечно что-то выдумывает: то хочет сделать более надежные повязки, то заколотить окна досками и нарисовать на наружной стене ложное окно в «их комнату» – то есть в класс, где они прожили два года. Не

во власти Мэлори запретить ему думать, однако она может запретить *делать*.

Неожиданный удар в висок. Мэлори останавливается и размахивает руками, старается попасть по ударившему.

Олимпия настойчиво тянет дальше, в самый центр потасовки.

Мэлори уже не в состоянии говорить – кругом толкаются и выкрикивают ругательства, повсюду что-то падает, разбивается.

А если представить, что это праздник, и люди кричат от радости? Танцуют, громко топая ногами. Никакого ужаса. Наоборот – всеобщее веселье.

Том-старший, наверное, так и делал. Обманывал себя. Если он смог, Мэлори тоже должна научиться.

– Том тут! – объявляет Олимпия.

На этот раз Мэлори отчетливо ее слышит. Значит, холл остался позади.

– Где?

– Здесь.

Мэлори протягивает руку и нащупывает дверной проем.

В комнате кто-то есть – она чувствует запах.

– Том, это ты? – спрашивает она.

– Да, мама.

Слышно по голосу, что он улыбается – горд собой.

Мэлори садится перед сыном на корточки и проводит по его лицу. Глаза закрыты чем-то вроде картонки. Совсем как

Том-старший... Тот скотчем приматывал диванные подушки к голове.

Мэлори вздыхает с облегчением. Да, кругом безумие. Но дети с ней – это главное.

– Пойдемте! Надо уходить! – говорит она дрожащим голосом.

Потом заходит в комнату, находит кровати и берет три одеяла.

– Мы снова поплывем по реке? – спрашивает Том.

Побоище тем временем продолжается. Слышен топот – люди бегают туда-сюда по коридорам. Звон разбитого стекла, детские крики.

– Нет! – резко говорит Мэлори. – Не знаю... Пока не знаю. Держите скорее!

Она протягивает одеяла.

– Укройтесь с головы до ног!

Снова вспоминает Анетт – синий халат, рыжие волосы, нож...

– Они научились касаться! – говорит она детям.

– Мама, – хочет что-то спросить Том, однако вопрос тонет в нарастающем шуме. Мэлори крепко берет его за руку.

В другую руку снова ложится ладошка Олимпии.

Вдох. Пауза. Выдох.

– Идем! – командует Мэлори.

Они вместе выходят в коридор.

Мэлори ведет детей к входной двери. Той самой, куда они

вошли два года назад. Тогда Мэлори валилась с ног от усталости и нервного истощения после долгой гребли вслепую. Пока они плыли по реке, страх не отпускал ее ни на секунду. Она боялась многого. И больше всего – мужчины по имени Гари.

– Мэлори? – окликает кто-то.

Она лишь крепче сжимает детские ручки под одеялом. Мэлори узнает голос. Это Джесси. Он влюблен в Мэлори. Точнее, раньше был влюблен – пока не потерял разум. Сейчас он уже явно не в себе.

– Мэлори! Куда ты ведешь детей?

Мэлори не отвечает, не оборачивается.

– Не останавливайтесь! – приказывает она.

Джесси увязывается за ними.

– Мэлори, – бубнит он, – куда вы? Нельзя!

Мэлори сжимает кулак, разворачивается и бьет наотмашь. Кажется, попала прямо в челюсть. Джесси вскрикивает. Мэлори снова хватает детей за руки, и они втроем спешат к выходу.

– Моя защита для глаз сработала, – хвастается Том.

Даже сейчас нашел время порадоваться удачному изобретению.

– Вот дверь! – сообщает Олимпия.

Мэлори проводит пальцами по дверному косяку. Прислушивается, не преследует ли их Джесси. Или еще кто-нибудь.

Вдох. Пауза. Выдох.

– Сколько их там, дети? Можете посчитать?

Дети молчат. Похоже, беснующиеся обитатели переместились в глубь здания – звуки теперь чуть дальше. Тише.

Том всегда любил давать точные ответы. Однако сейчас он не знает.

– Нет, мама, их слишком много.

– Сколько, Олимпия? – спрашивает Мэлори.

Олимпия какое-то время молчит, потом тоже говорит:

– Много...

За спиной грохот. Потом вопль.

– Так, ладно. Одежда не снимать, пока я не скажу! Они могут дотронуться. Понятно?

– Да.

Это Том.

– Да.

Это Олимпия.

Мэлори мысленно еще раз закрывает глаза – под повязкой и сомкнутыми веками. Потом еще, и еще, и еще. Твари поджидают за порогом. Их нельзя видеть – даже в воображении!

Вот бы кому-то пожаловаться! Она ведь родилась давно, до нашествия. Она знает, что так не должно быть – чтобы место, которое ты считаешь домом, в одну секунду становилось опасным и нужно было хватать детей и бежать в неизвестность.

Она сжимает детские ручки и делает первый шаг. Прощай, школа Джейн Такер.

Таков новый мир. Уже много лет человечество живет по иным законам.

Нужно бежать от смертельной опасности в полную неизвестность.

С завязанными глазами, укутанные одеялами, они опять отправляются в путь. Только она и дети, и больше не на кого рассчитывать.

Десять лет спустя

Глава 1

Том идет за водой. Они живут в лагере под названием «Ядин» уже десять лет. И почти все эти годы Том через день ходит к колодцу. Олимпия говорит, что во времена покорения запада их лагерь был городом-форпостом. Олимпии можно верить. Она перечитала все книжки в местной библиотеке (а их там больше тысячи!). Есть и по истории Мичигана. Говорит – главный дом служил когда-то салуном. В первом домике была тюрьма. Что ж, может, и так... Точно известно, что когда пришли твари, на территории располагался еврейский летний лагерь. А сейчас здесь живут Том, сестра и мать.

Между третьим домиком и колодцем натянута веревка. Том идет по ней «вперехват» – одну за другой переставляет руки. Все здания в лагере соединены между собой веревками. И с шатром на берегу озера, и с перилами мостков, буквой «П» выдающимися в воду.

– Лево́й-право́й, лево́й-право́й, – приговаривает он.

Вперехват выходит быстрее. Хорошо бы изобрести и другой, более совершенный способ передвижения...

Том терпеть не может носить повязку. Иногда он ленится

и выходит на улицу просто так. Закрывает глаза, и все. Тогда в голове звучит голос матери: «Зажмуриться – недостаточно! Испугаешься и непроизвольно поднимешь веки. Или они заставят».

Вечно она со своими правилами!

Хотя звучит разумно. Мать всегда права. Теоретически.

Но как же надоело осторожничать! Том с рождения живет бок о бок с тварями. Это целых шестнадцать лет. И ни разу его не «заставляли» открыть глаза.

Левой-правой, левой-правой. Колодец уже близко. Мэлори велит сначала убедиться, что внутри никого нет, а потом уже бросать ведро. Том миллион раз слышал про Феликса и Джулса. Как они принесли воды, и все в доме боялись пить – думали, что твари ее заразили. А Том взял и попробовал. Том-младший обожает эту часть истории. Он бы тоже попробовал! Мужчина, в честь которого он назван, стремился изучить тварей. Том-младший разделяет стремление. Ведь люди почти ничего о них не знают! Одно понятно: воду можно пить спокойно. Он смастерил надежный фильтр.

И потом, даже Мэлори (с ее-то осторожностью!) не верит, что безумие передается через воду.

Том протягивает руку и нащупывает край цементного кольца. Он столько раз проделывал этот путь, что мог бы его пробежать и все равно остановиться вовремя. Громко сообщает:

– Дошел!

Потом перегибается через край и кричит в гулкую пустоту:

– Эй, вы! Вылезайте!

Эхо отвечает звучным басом. Том улыбается. Представляет, будто разговаривает с живым человеком. Конечно, им очень повезло наткнуться на заброшенный лагерь – есть несколько домов, и инструменты, и всякая всячина. Только одиноко временами...

– Молодчина, Том! – кричит он, чтобы послушать эхо еще раз.

В шахте все спокойно. Том наполняет ведро и тянет наверх. Крутит стальную ручку барабана. Устройство самое обычное. Том часто его чинит. И регулярно смазывает маслом, благо этого добра у них достаточно. Мэлори говорит, что плакала от счастья, когда десять лет назад обнаружила склад в главном доме – чего там только не было.

«Хорошо бы соорудить водопровод», – размышляет Том. – «Вода подавалась бы по трубе от колодца как раз по траектории веревки, а потом проходила через фильтр. Повернул кран, и пожалуйста! Родниковая вода с доставкой на дом. И больше никаких „левой-правой“. Можно вообще на улицу не показываться».

Хотя к колодцу пройти совсем не сложно. Вообще-то Том рад улизнуть из дома под любым предлогом. Просто его тянет что-нибудь усовершенствовать.

Готово. Он снимает полное ведро с крючка и несет к тре-

тьему домику. Третий – самый большой, они с мамой и сестрой всегда в нем базировались. Мать запрещает им с Олимпией проводить ночь где-то еще, хотя они уже выросли и все больше нуждаются в личном пространстве. Правило гласит: «Днем можете быть в других домах, но ночевать мы всегда должны вместе».

Правил у матери целый свод. Конкретно это – насчет ночевок – Том пока не нарушал.

Хотя, если задуматься, оно устарело – десять лет назад создано...

Том неодобрительно качает головой и усмехается. А что еще остается? Только смеяться. Олимпия вычитала в своих книжках про конфликт поколений. Говорит, что подросткам свойственно считать родителей странными. Вот тут Том полностью согласен. Мэлори все время боится сойти с ума – ни на секунду не расслабляется. Они с сестрой иногда обсуждают между собой – чем так жить, лучше сразу умереть.

– Да, мама, – повторяет Том, а сам усмехается. Так ему легче: хоть усмехнуться про себя. Мэлори гораздо строже других взрослых. Он встречал других – через лагерь иногда проходили люди, он слышал голоса. И в школе для слепых. На их семью там странно смотрели. Тому часто становилось стыдно за их отношения. Мэлори командовала, требовала беспрекословного подчинения. Олимпия где-то вычитала слово...

Диктатор.

Точнее не скажешь! Олимпия пусть думает что хочет, а Том уверен: Мэлори – настоящий диктатор.

А что он может сделать? Ну, иногда тайком выйти без повязки. Вести наблюдения и мечтать, что изобретет метод борьбы с тварями. Не носить кофту с капюшоном и длинными рукавами в жаркий день. Как сегодня, например.

У входа Том прислушивается – внутри ждут. Это не Олимпия, а Мэлори. Значит, нельзя просто открыть дверь и поставить ведро. Придется все-таки надеть толстовку.

– Черт возьми, – ворчит Том.

Если бы не мать с ее глупыми ритуалами и предосторожностями, он жил бы совсем по-другому.

Он ставит ведро на траву и берет толстовку с крючка около двери. Капюшон не надевает. Рукава есть, и ладно – голову Мэлори проверять не будет. Снова поднимает ведро. Стучит пять раз.

– Том, это ты? – окликает Мэлори.

«Кто же еще?» – думает он, а вслух говорит:

– Я. Принес первое ведро.

Всего нужно четыре. Как всегда.

– Глаза закрыты?

– Завязаны, мам.

Дверь открывается.

Том передает ношу через порог. Мэлори принимает и попутно ощупывает запястье.

– Молодец, – хвалит она.

Том улыбается. Мэлори протягивает второе ведро и закрывает дверь. Том снова вешает толстовку на крюк.

Очень просто схитрить, когда мама не имеет возможности на тебя посмотреть.

– Левой-правой, – приговаривает Том.

На самом деле он просто идет вдоль веревки, помахивая ведром. Том много раз слышал, как они носили воду в доме на Шиллингем-лейн – где он родился. Ходили по двое, обвязывались бечевкой. Олимпия говорит – Мэлори сама не осознает, насколько часто она рассказывает про жизнь в том доме. Только она что-то недоговаривает. Они оба с Олимпией замечали – на определенном моменте история всегда обрывается. Раз – и молчок. Конец мать даже рассказать не может, словно боится вновь пережить.

Вот и колодец. Том в одной футболке, ветер обдувает голые руки. Том закрепляет ведро, крутит ручку. Ведро громко стучит железным боком по каменной стенке. Несмотря на грохот, удвоенный эхом, Том слышит слева от себя звук – примялась под ногой трава. И еще, кажется, слышит колеса.

Похоже, кто-то толкает тележку.

Том замирает. Ведро постепенно перестает раскачиваться. Здесь кто-то есть. Дышит.

Эх, толстовка-то осталась на крючке...

Еще шаг. Теперь слышно отчетливей – обувь. Сухая трава под босой ногой звучит совсем иначе, чем под твердой подошвой.

Значит, человек.

Том ничего не спрашивает. Не двигается.

Еще шаг.

Интересно, а Тома тоже заметили?

Еще бы не заметить – после такого шума...

– Кто здесь? – говорит мужчина.

До Тома доносится шуршание – Олимпия так же шелестит, когда переворачивает страницы. У него что, книга?

Тому страшно. Впрочем, его охватывает и радостное возбуждение. Гость!

Все же Том не отзывается. Даже думает: не все правила Мэлори такие уж глупые.

Том пятится. Он мог бы добежать до дома в два счета и вовремя остановиться.

Слушает изо всех сил.

– Можно с вами поговорить?

Том отступает еще на шаг. Нащупывает кончиками пальцев веревку. Оборачивается к дому.

Скрипят колесики тележки. А вдруг человек везет оружие?

Том мигом оказывается у входной двери. Никогда еще он не проделывал путь от колодца с такой скоростью.

– Подождите! – окликает незнакомец.

Но Том уже стучит – пять раз, как условлено.

– Том, это ты?

– Я! Открывай!

– Глаза закрыты?

– Мама! Скорей!

Мэлори отпирает, и Том забегает, едва не сбив ее с ног.

– Что случилось? – спрашивает Олимпия.

– Мама... – начинает Том, но стук обрывает его на полуслове.

Дверь у них тонкая, старенькая. Мать давно насчет нее переживает – такая ни от кого и ни от чего не защитит.

– Там мужчина, – опять начинает Том и чувствует, как мать предостерегающе постукивает его по плечу – это значит «молчи», Том знает. И знает, что Олимпия получила тот же сигнал.

Том замолкает.

– Здравствуйте! – говорят за дверью. – Я веду перепись.

Том вспоминает, как тот шелестел страницами. Может быть, у него полная тележка книг... Мэлори не отвечает.

– Я не хотел вас пугать, – продолжает мужчина. – Если вам сейчас неудобно, я приду в другой раз. Только вот непонятно, когда выдастся случай.

Мать не отвечает. И не ответит, конечно.

Что еще за «перепись»? Спросить бы Олимпию.

– Я просто хочу поговорить, – убеждает мужчина. – Не знаю, сколько вас там... Вы не могли бы принять участие в опросе? Это могло бы спасти кому-то жизнь.

Мэлори не отвечает.

– Чего он хочет? – шепотом спрашивает Том.

Мэлори сжимает его запястье – замолчи!

– Понимаете, – продолжает незнакомец, – я собираю информацию. Истории разных людей. Многие пытались смотреть на тварей. Такое часто случается... А кто-то налаживает жизнь, и вполне успешно. Вы, например, знаете, что у нас пустили поезд?

Мэлори молчит. А Тому ужасно хочется ответить.

– Да, поезд. Прямо здесь, в Мичигане. А вы в курсе, что тварей стало больше? По нашим данным, их количество выросло втрое с момента нашествия. Вы, кстати, не отмечали большей активности в ваших краях?

Мэлори не отвечает. Том еле сдерживается. Слова незнакомца его будоражат. Почему нельзя обменяться информацией? Узнать, что в мире делается? Почему нет? Ведь это могло бы улучшить жизнь.

– По некоторым источникам, людям наконец удалось поймать тварь. Пытались, конечно, многие...

Понятно, почему мать не отвечает.

Она уверена, что незнакомец опасен. А после словосочетания «поймать тварь» она и вовсе обратится в камень. Похоже, уже обратилась...

– У меня есть списки. И наблюдения. Много полезной для вас информации. Ну а взамен вы расскажете свою историю и тоже кому-то поможете. Прошу вас! Давайте поговорим!

Мэлори не отвечает.

– Информация на бумаге? – не выдерживает Том. Мэлори

снова сжимает его запястье.

– Да, конечно! – радуется мужчина. – Все записано. Материалы здесь, у меня.

Том молчит. Мать сильнее вцепилась в руку, и он пытается ослабить хватку.

– А вы не могли бы оставить их на крыльце? – вдруг спрашивает Олимпия.

Том готов расцеловать сестру.

Мужчина молчит, раздумывая. Потом произносит:

– Я оставлю все, а взамен ничего не получу. Не очень справедливый обмен получается.

И тут вмешивается Мэлори:

– Добавьте нас в список тех, кто отказался с вами разговаривать.

За дверью слышится вздох.

– Вы уверены? – спрашивает незнакомец. – Я не так часто встречаю группу людей. Сами понимаете, в наше время безопасней поодиночке. Может, впустите меня на час-другой?.. Хотя бы скажите, как вас зовут!

– Уходите!

– Я уйду. Но поймите, я хочу как лучше. Важно, чтобы люди понимали, в каком мире живут.

Никто не отвечает, и мужчина, помолчав, прощается:

– Ладно. Простите, что напугал.

Том поворачивается боком, чтобы лучше слышать. Гость спускается с крыльца – топают ботинки по ступеням. Хру-

стит сухая трава, скрипят колеса тележки. Том уже у двери – прижался ухом к деревянной поверхности. Шаги удаляются – незнакомец вышел на дорогу, которая ведет из лагеря.

Том оборачивается к матери и сестре, однако Мэлори заговаривает первая:

– Я же велела тебе молчать! Чтобы больше такого не было!

– Все, ушел... – говорит Олимпия.

«Сейчас скажет, что нужно прочесать лагерь», – думает

Том.

– Надо пройтись по лагерю, убедиться, – говорит Мэлори.

– Мама, это точно не Гари, – возражает Том.

Мать мгновенно взвизгивает.

– Больше ни слова! И надень ты, ради бога, капюшон!

«Сейчас начнется», – думает Том. Мать скажет: «А может быть, он не ушел? Разбил палатку рядом – в лесу. Кто знает, как долго он за нами следит?» И обязательно приплетет Гари. Она всегда так: чуть что – сразу Гари.

Но Том ее уже не слушает. Он сосредоточен на другом – по ту сторону двери тихое шуршание. Ветерок теребит страницы. Значит, незнакомец все-таки оставил на крыльце бумаги.

Глава 2

Олимпия сидит на кровати и читает вслух. Да, почерк у переписчика ужасный... «Просто они сделали много экземпляров, – догадывается Олимпия, – и неизвестно, какая по счету эта копия». Перед ней внушительная стопка. Толще, чем любое из библиотечных изданий. Олимпия торопится, глотает слова. Ее, как пишут в романах, «обуревают чувства». Она «сгорает от нетерпения» и «затаив дыхание» переворачивает страницы – совсем как героини многочисленных прочитанных ею книг. У них с Томом теперь есть тайна! Мэ-лори не подозревает, что мужчина оставил рукопись. И не догадывается, что она, Олимпия, сейчас читает брату вслух.

– Ну же! – торопит Том.

Он, конечно, и сам умеет читать, только ленится. И не может сидеть на месте. Ему всегда нужно быть в движении. Обязательно что-то *делать*.

Олимпия продолжает:

– «Житель Техаса предпринял попытку посмотреть на тварь в воде. По мнению членов его сообщества, тварь обитала в озере около лагеря. Доброволец нырнул в присутствии семнадцати свидетелей. Сошел с ума под водой и больше не всплывал».

– Кто-то его удержал! – восклицает Том. – Нельзя же сидеть под водой, пока не задохнешься! Добровольно!.. Это

невозможно!

Олимпия кивает. Хотя... Невозможно ли? Судя по рассказам Мэлори, возможно все. Да и сама она помнит, как вся школа для слепых разом лишилась рассудка.

– Речь идет о безумии, – говорит Олимпия. – Безумцы творят невысказанные вещи.

– Не настолько! – Том меряет комнату шагами. – Тут невозможно физически! Сама посуди! Допустим, ты решила утопиться и нырнула. Тело ведь само всплывет на поверхность!

– Ну, не знаю...

– Я тоже не знаю. Но по мне, история не очень убедительная.

– Том, ты слушаешь?

Том останавливается, мрачно глядя на сестру.

– Конечно. Я всегда слушаю, – говорит он.

Олимпия имеет в виду Мэлори. Никто из них не хочет, чтобы мама их застукала.

Олимпия продолжает:

– «Жительница штата Висконсин посмотрела на тварей сквозь очки для солнечных затмений».

Том теперь – весь внимание.

– «Ее долго отговаривали, однако она не послушала и предприняла попытку на рассвете ясным весенним утром. Сошла с ума немедленно».

– А откуда они знают, что она смотрела только сквозь отверстие?

– Ну, это само собой...

– Вот чему меня научила мамочка – «само собой» ничего не бывает, все нужно перепроверить.

При упоминании о матери Олимпия настораживается.

– Ты слушаешь, Том?

– Читай дальше, Олимпия!

Олимпия пробегает глазами несколько строк.

– Интересно... – говорит она. – «В штате Огайо больные на терминальной стадии вызвались для проведения опытов».

– Ух ты! – восклицает Том. – Герои!

– Точно! Слушай: «один из добровольцев сошел с ума после просмотра видео».

– Как мама рассказывала.

– Ага. И дальше: «другой доброволец обезумел, посмотрев на фотографию. Еще один лишился рассудка, посмотрев на негативы». Что такое негативы, Том?

– Не знаю.

– «Смертельно больная женщина сошла с ума, когда вышла на улицу, защитив глаза стеклянными пресс-папье».

Олимпия вздрагивает. Ей грустно представлять, как эти несчастные в больничных робах бродят по опустевшим улицам и жертвуют собой.

– Они умерли ради эксперимента...

– Не ради эксперимента, а ради будущего! – возражает Том. – Пусть они и были безнадежно больны, все равно – поступили благородно!

Конечно, благородно. Олимпия согласна.

– Тут пятьдесят страниц в том же духе, – вздыхает она.

– И мы прочтем все до единой!

«Ты слушаешь?» – хочет опять спросить Олимпия, но Том догадывается по лицу, предостерегающе поднимает руку и требует:

– Читай!

– «Жительница Брансона, штат Миссури, вышла на улицу с лошадиными шорами. Она хотела проверить гипотезу, что твари воздействуют только на периферическое зрение».

– Ох, зря она это сделала!..

– Зря!.. Обезумела. Ворвалась в здание местного театра. Перебила семью, которая там пряталась.

На улице хрустит ветка. Оба мгновенно зажмуриваются. Молчат затаив дыхание. Слушают изо всех сил.

– Олень, – первым объявляет Том.

Олимпия так и знала.

Они открывают глаза.

– Здоровый олень, – уточняет Олимпия.

– Надо еще разобраться, чем здоровый олень отличается от сумасшедшего, – усмехается Том.

– А может, лось... Или даже лев... – размышляет она, улы-

баясь.

Том уже открывает рот, чтобы возразить, однако Олимпия перелистывает раздел с опытами и читает следующий заголовок:

– «Поселения». Города расположены в порядке...

Тут она замолкает.

– В порядке чего? – спрашивает Том.

Видя, что сестра собирается перевернуть страницу, Том поспешно пересекает комнату и садится рядом с Олимпией на кровать.

– Не надо ничего пропускать! Читай!

Олимпия показывает ему подзаголовок: «Города расположены в порядке прогрессивности».

– Что еще за прогрессивность? – спрашивает Том.

– Наверное, имеется в виду приспособленность...

У Тома загораются глаза, и Олимпия чувствует себя виноватой: не надо было ему показывать. И вообще, лучше бы чужак с бумагами не приходил.

– Например, города, где пытались отлавливать тварей, да? – волнуется Том.

Лучше бы ему этого не видеть, только все равно ведь прочтет... Олимпия нехотя отдает брату рукопись.

– Вот черт... «Супруги из северного Иллинойса утверждали, что им удалось запереть тварь в сарае. Они подвели меня к двери и предложили послушать. Из сарая доносился плач. Я изобразил восхищение, попрощался и ушел. Ве-

чером я вернулся и выпустил на свободу двенадцатилетнего сына хозяина».

– Ужас! – восклицает Олимпия.

– Ужас... А это: «Уроженец Питтсбурга утверждал, что закопал трех особей на заднем дворе. Он показал свежие могилы. Я попросил разрешения отрыть тварей. Тогда мужчина достал ружье и пригрозил, что застрелит, если я кому-нибудь расскажу, что он сделал со своей семьей. Непростую работу я себе выбрал!»

– Боже! – вздрагивает Олимпия. – Получается, нигде не написано, как кто-то действительно поймал тварь.

Тома манит первый город в списке – Индиан-Ривер и имя основательницы – Афина Ханц. Однако он не может пропустить последнее замечание сестры мимо ушей:

– Ну не написано. И что? Говорю тебе, Олимпия, кто-то наверняка ее поймал. Ведь на свете полно людей. Мы только и видели, что один лагерь и кусочек Мичигана. А мир большой! Понимаешь?

Том замолкает и мечтательно смотрит в пространство – словно он уже на пути в другие города.

– Я верю – кто-то уже поймал тварь! И я бы хотел увидеть этого человека!

– Перестань! Не будь идиотом, Том! – фыркает Олимпия.

А сама понимает: для брата эти сведения – просто мечта. Значит, есть на свете люди, которые разделяют его образ мысли. И есть поселения вдали от лагеря «Ядин» и от мате-

ри, которая блюдет правила и молится на повязку.

– А бывают книжки с картами? – спрашивает Том.

– Конечно. В библиотеке есть дорожный атлас. Зачем тебе? Уйдешь в более прогрессивное место?

Том невесело смеется.

Олимпия забирает бумаги и поспешно переводит тему:

– Смотри, списки...

Том обязательно прочитает про прогрессивные города.

Будет сидеть над этими страницами месяцами, годами...

– Список улиц. График температур. График частоты появления тварей. Перечень фамилий, – бормочет Олимпия.

– Фамилий? – оживляется Том.

– Тебе-то что? Я думала, тебя только технические новинки интересуют.

Том легонько толкает сестру локтем.

– Дай посмотрю.

Она передает брату бумаги. Том щурится. У него всегда такое лицо, когда он понял что-то важное.

– Список выживших, – говорит он.

– Откуда ты знаешь?

– Смотри.

Он показывает на сноску в конце первой страницы. Напротив условных обозначений расшифровка: замечен очевидцем, вероятно, замечен и... *достоверно жив*.

– Достоверно жив, – повторяет Олимпия. – Надо же, список...

Они оба садятся чуть прямее.

– Давай посмотрим, есть ли мы? – предлагает Том. – Открой Мичиган.

Олимпия качает головой:

– Нет нас, Том. Вот если бы мама его впустила, были бы.

– Ну да, точно.

Олимпия все равно открывает переписку штата Мичиган. Список на десятки страниц. То же самое и в других западных штатах.

– Видишь, сколько народу! Кто-нибудь да поймал! – говорит Том.

– Ну, не так уж много, если сравнивать со статистикой семнадцатилетней давности. Помнишь, мама рассказывала про телефонную книгу? Сколько звонков они тогда сделали...

– Да, – соглашается Том, – причем обзванивали только соседей.

– Вот-вот!

Они просматривают списки. Какие-то фамилии почти невозможно разобрать, какие-то – видны отлично.

– Идея! – восклицает Том.

Он вскакивает с кровати и кидается к своей тумбочке. Достает из верхнего ящика карандаш.

– Давай сами себя запишем.

Олимпия вздыхает с облегчением. Она боялась, как бы после прогрессивных городов Том не замкнулся в себе на

несколько месяцев. Как начнет мечтать о большом мире за пределами лагеря... Мама зовет его «неисправимым оптимистом», но Олимпия знает за братом манеру надолго погружаться в тяжелую задумчивость. Есть подобные персонажи в книгах – которые всегда молчат о главном. Такие герои часто меняются к концу романа. И заодно меняют всех вокруг.

Том снова садится рядом. Берет бумаги и открывает последнюю страницу Мичиганского списка.

В конце есть свободное место. Том пишет: «лагерь „Ядин“». Заносит свое имя. Потом передает карандаш сестре.

Олимпии тоже нравится эта затея. Она улыбается, глядя на длинный столбик. И вдруг улыбка застывает на лице – два имени бросаются Олимпии в глаза. Она их помнит, хотя Мэлори не так уж часто называет этих людей по имени.

– Ты чего? – спрашивает Том.

Олимпия поспешно листает – ищет название города, к которому относятся привлечшие ее люди.

– Олимпия, что с тобой? – повторяет Том. – Ты чего испугалась?

Олимпия смотрит сквозь него. У нее перед глазами лишь два имени и название города – Сейнт-Игнас. Два имени, словно маячок во мраке, освещают дорогу в темноте – в мире, на который нельзя смотреть, потому что он полон тварей, а от них сходят с ума.

– Да что с тобой, Олимпия? – снова спрашивает Том.

– Надо позвать маму.

– Она еще обходит лагерь. И потом, я не хочу, чтобы она знала про...

– Надо позвать маму! Немедленно! – твердо говорит Олимпия.

Глава 3

Гари не выходит у Мэлори из головы.

«Он вел бы себя точно так же, – думает Мэлори. – Пришел бы. Постучался. Пообщались бы через дверь. Он ведь сама невинность. Пока не вступишь... А потом со всеми подружится, вотрется в доверие, и вуаля! – собственные дети от тебя отвернулись. Безумец в доме – конец всему».

Гари наверняка понравился бы ее неугомонному сыну. Завлек бы мальчика рассказами – мол, знает все о новом мире. А Олимпия была бы очарована его странствиями и путевыми заметками.

«Надо проверить лагерь», – решает Мэлори. Правда, дети уверяют, будто незваный гость ушел, а их слух лучше любых радаров. И все же лучше убедиться. Он действительно только сегодня пришел или уже несколько недель живет в одном из домиков?

Он застал Тома на улице. О чем это говорит?

Постучался, когда все были дома. А это что значит?

Мэлори быстро доходит до восьмого домика. Открывает дверь. На ней перчатки и кофта с длинным рукавом и капюшоном. Теплое белье, толстые носки.

Мэлори не забыла про Анетт. Слепую обезумевшую Анетт. Ее свели с ума твари. Каким образом?

Прежде чем зайти, Мэлори принюхивается. Что-что, а

обоняние у нее заметно улучшилось. Она умеет по запаху определять приближение грозы и расстояние до леса. Изда-лека чувствует запах смерти и без труда вычислит, жил кто-то в доме или нет.

На пороге восьмого домика пахнет только древесиной – никто не ночевал. Она входит, на всякий случай держа перед собой нож.

Лагерь «Ядин» был к ним добр. Очень добр. По прибы-тии они обнаружили многомесячные запасы консервов. Се-мена, чтобы развести огород. Садовый инвентарь и детские игрушки. Кров над головой и фортепиано. Весельную лод-ку, чтобы плавать по озеру. Тропинки, чтобы размять ноги. Мэлори сразу подумала – здесь можно и пожить. И как-то незаметно прошло десять лет. Том и Олимпия превратились в подростков. Причем довольно давно.

Мэлори обследует толстой палкой пространство между кроватями и под ними. В пустых домиках нередко селятся лесные обитатели. Мэлори их не боится – бывают вещи и по-страшнее. Если сделать вид, что нападаешь, зверь, как пра-вило, бежит. Даже безумный. Хотя нельзя знать наверняка, безумно животное или нет. С насекомыми еще сложнее. На-пример, как понять, безумен ли паук? Правда, иногда Мэ-лори попадались странные паутины – по их беспорядочным нитям можно было предположить, что тут побывало *некто*.

Конечно, твари часто бродят по лагерю. Том и Олимпия слышат их прямо из третьего домика и сообщают Мэлори.

– Не подходи – зарежу! – громко произносит Мэлори.

Просто чтобы услышать собственный голос. Она прекрасно понимает: если этот «переписчик» здесь – например, сидит, поджав ноги, на одной из кроватей, он запросто ее убьет. Однако дети слышали, как он уходил. Их слуху можно доверять.

Проверив восьмой домик, Мэлори берется за веревку и направляется к девятому. Жарко. Давно не было такой жары. Все равно Мэлори ни за что не снимет кофту с капюшоном.

Она помнит про Анетт.

Дети не верят, говорят – от прикосновений с ума не сходят. Но тут пока не они решают.

Мэлори ясно помнит рыжую Анетт. Она выбежала из-за угла. Синий халат вздувался за ней, как парус. Рот неестественно скривился, сразу видно – безумие. В руке был нож.

У Мэлори тоже нож. Она толкает острием дверь девятого домика.

Замирает на пороге и принохивается.

Изначально все чувства равноценны – зрение, обоняние, осязание. Однако твари заставили людей жить по-другому. Да, нашествие было давно, но Мэлори, как человек, родившийся «до», наверное, никогда не свыкнется с новой реальностью. Том-старший предполагал, что люди сходят с ума при виде тварей, потому что человеческий мозг отказывается верить в их существование. Мы не способны их воспринять. Мы теряем рассудок от увиденного. Значит, с таким же

успехом можно обезуметь и от прикосновения. Любое взаимодействие с неопознанным, не поддающимся нашему восприятию, по идее, должно закончиться одинаково.

Как бы не пришлось носить затычки для носа и ушей...

Мэлори переступает порог. Вздрагивает, снова подумав о Гари. Она не может о нем забыть. Тогда, на реке, кто-то сдернул с нее повязку. Мэлори решила – тварь, необъяснимое явление природы. А если нет? Если это был Гари? Четыре года жил в палатке у дома, где Мэлори в одиночестве растила детей. Потом выследил, подкрался к лодке. Мэлори без труда представила, как он тогда разделся на берегу и зашел в воду по пояс. А сейчас ждет ее здесь, в девятом домике, – это Мэлори тоже хорошо представляет. Может быть, машет рукой.

Мэлори шарит палкой под кроватями. Нервы на пределе, и бородатый дьявол из прошлого так и стоит у нее перед глазами. Поэтому, когда палка натывается на какой-то предмет, Мэлори замирает от ужаса. Потом вспоминает – это всего лишь визор. Часть шлема, изобретением которого Том был одержим прошлым летом.

Мэлори ощупывает визор. Разумеется, не снимая перчаток. Вспоминает Анетт. Впрочем, Мэлори ни на секунду о ней не забывает, равно как и о Гари. Два мистических персонажа, которые сделали Мэлори такой, какая она сейчас, – вечно напуганной и осторожной. В новом мире они сформировали ее, подобно родителям. Вероломный отец и безумная

мать.

– Не подходи! Зарежу! – снова выкрикивает Мэлори.

Затем она выходит на улицу и по веревке направляется к главному дому. Там много комнат, есть кухня и подвал с припасами, благодаря которым они выживали все эти годы.

Левая рука скользит по веревке, в правой крепко зажат нож. Мэлори пытается вспомнить, дотронулись ли до нее на реке, когда сдернули повязку. А если дотронулись? Могли задеть переносицу... Что же это было? Или кто?

Дорога идет в гору, но Мэлори в хорошей форме. До нашествия она не была такой крепкой. Они с сестрой Шеннон не очень-то жаловали спорт, несмотря на родительские увещевания. Обе предпочитали гулять с подружками по городу, а не бегать с мячом, и ни разу за годы учебы не пришли поддержать университетскую футбольную команду. А сейчас Мэлори без усталости проходит много миль и умеет драться. Хорошо владеет ножом. Если даже наткнется на врага в главном доме, не даст себя в обиду.

Как бы ей хотелось забыть про Анетт. И про Гари. Только не получается. Словно все десять лет они стучат в дверь. Спрашивают: «Впустишь на часок-другой?»

Мысли в голове тяжелые: о тварях, о безумцах, о судьбе детей, о долгих годах в изоляции. Мэлори подходит к каменным ступеням главного крыльца. Надо собраться.

Толкает дверь острием ножа. Переступает порог.

Анетт ушла за грань безумия. Ее заставили. Как?

Мэлори принохивается. Слушает. Конечно, за последние десять лет ей часто приходилось стоять рядом с тварями. Том и Олимпия говорят, что их стало больше. И сегодняшней посетитель подтвердил. Насколько больше? Они уже на каждом шагу?

Мэлори входит внутрь. Главный дом самый жаркий, несмотря на высокие потолки и большие пространства. Наверное, из-за огромных окон. Хоть стекла и закрашены черной краской, все равно душно, как в бане. Мэлори выросла на Верхнем полуострове, где бани были очень популярны. Родители обычно загоняли их с Шеннон в парилку перед сном. А потом они с сестрой неслись к озеру и прыгали в прохладную воду... Мэлори пересекает залу, которая когда-то служила общей столовой. Вот бы сейчас окунуться!

Звук. Что-то шевелится. Снаружи. Мэлори замирает. Не надо паниковать, звуков в лагере предостаточно. То ветка упадет, то ветер подует, то деревянные панели домов заскрипят.

Мэлори ждет. Слушает.

Она, конечно, понимает, насколько сейчас уязвима. Возможно, утренний гость здесь – стоит в углу и готовится напасть. Возможно, тварь прямо перед ней – замерла и изучает свое воздействие на человека. Однако за семнадцать лет жизни вслепую Мэлори научилась по-своему обращаться с темнотой.

В школе для слепых Мэлори называли «упертой», а Том в

порыве гнева как-то заявил, что у нее паранойя. Пусть, Мэлори не спорит. Но у нее есть еще одно умение – когда завязаны глаза, она может убедить себя, что нет никаких тварей и заброшенного лагеря. Ее жизнь в полной безопасности. Она в отчем доме. Папа сидит у печки со своим маленьким радиоприемником. Мама всегда ворчала на отца: «Не садись слишком близко к огню!» Сама мама за кухонным столом играет в «Эрудита» с Шеннон. Пока Шеннон думает над ходом, мама читает книжку.

Выдуманная реальность нравится Мэлори гораздо больше настоящей. И потом, кто сказал, что она выдуманная?

И когда Мэлори, миновав столовую, направляется по коридору на кухню, она явственно ощущает запах папиного жаркого из оленины, слышит, как мама переворачивает страницу книги, чувствует, как напряженно шевелит извилинами Шеннон. Шеннон – зануда, с ней невозможно играть.

Мэлори иногда говорит Тому:

– Думаешь, я перфекционистка? Знал бы ты свою тетушку!

Мэлори входит на кухню. Теперь она в доме, откуда бежала двенадцать лет назад. Том-старший здесь. Хорошо бы обсудить с ним Гари.

– Все, хватит! – приказывает себе Мэлори. Нелегко пятнадцать лет жить с ужасными воспоминаниями – они всегда рядом, в любой момент могут возникнуть, как картонные фигурки в лабиринте страха на летней ярмарке округа

Маркетт.

Мэлори минует кухню, подходит к лестнице, ведущей в подвал. Прежде чем спускаться, несколько раз взмахивает перед собой ножом, чтобы убрать паутину. Она часто приносит на плечах паучков, когда ходит в кладовую.

– Не приближайтесь! У меня нож! – снова возглашает Мэлори.

Даже сквозь закрытые веки и повязку она чувствует, что вступила в крошечный мрак. Ощущает характерный запах подвала – холодного цемента и плесени. Раньше она первым делом стала бы шарить по стене в поисках веревки выключателя – чтобы дернуть и поскорей осветить помещение. А в новом мире темнота уже никого не пугает.

Мэлори идет по подвалу. «Я просто пришла за консервами», – успокаивает она себя. Или их с Шеннон послали за клюквой для праздничного ужина в честь Дня благодарения. Или Том-старший показывает ей запасы в первое утро ее пребывания в доме на Шиллингем-лейн. Или она просто пришла за консервированными бобами.

Мэлори отличает консервы по крышкам даже в перчатках. Банок на полках поубавилось.

«Да, запасы тают», – думает Мэлори. Привычные мысли и действия успокаивают. Она шарит по полке, а сама прислушивается и пытается поймать запах человеческого пребывания – не жил ли в доме этот «переписчик»? Мэлори почти уверена, что он наврал насчет переписи.

– И что он себе думал? – возмущается она.

Бобов она пока не нашла. Все же ткань перчаток мешает.

– Что я его просто впущу в дом?

Она снимает одну перчатку, и снова, как в лабиринте страха, возникает яркий образ – тварь дотрагивается до ее оголенной руки. «И кто, по-вашему, будет вести перепись? В стране ни одной организации не осталось!» – думает Мэлори.

Она быстро находит бобы и надевает перчатку. Разворачивается к выходу.

Шум наверху... Или показалось?

Детям велено оставаться дома, пока Мэлори обходит лагерь. Они знают правило, только не факт, что послушаются. Подростки... Из подвала нет надежды различить звуки из третьего домика.

– Если тут кто-нибудь есть... – начинает Мэлори.

Голос срывается. Она свыклась со страхом, однако и у нее еще бывают моменты, когда ужас берет верх. Как сейчас – когда она стоит одна в подвале, в заброшенном лагере. И совсем недавно в дверь ее дома стучал подозрительный незнакомец. И она не видела его лица.

«Мне бы пистолет», – невольно думает Мэлори. Олимпия давно убеждает – им пора завести оружие. Цитирует тысячи книг, где огнестрельное оружие спасает героям жизнь. Мэлори против. Не хватало еще, чтобы Том экспериментировал с ружьем. Он непременно изобретет какую-нибудь авто-

матическую наводку и будет бесконечно горд. Однажды Мэлори откроет дверь и получит пулю в лоб. Да и не только Том представляет опасность. Любой из них может стать убийцей, если увидит кое-что.

Однако сейчас Мэлори не отказалась бы от дополнительной защиты – помимо острого ножа и боевого духа.

Надо слушать. Принюхиваться. Ждать.

Последние десять лет она только это и делает. Иногда реальность смешивается с воспоминаниями, и ей кажется, будто они всегда так жили. Уже трудно представить, что она не замирала на пороге, принюхиваясь, всякий раз, когда входила в комнату. А когда родители возвращались из магазина – неужели она отпирала дверь и даже не спрашивала, закрыты ли у них глаза?

Повязка размывает границы – во мраке нет ни прошлого, ни будущего. Ощущение времени теряется.

Банка с бобами в одной руке, нож – в другой, палка под мышкой. Мэлори снова идет к лестнице. Наталкивается ногой на ступеньку быстрее, чем ожидала.

«От страха», – понимает она.

Страх – это плохо. Сначала электрическим разрядом проходит по телу дрожь – от макушки до пяток. Бегут по спине мурашки. Если страх не остановить, он разрастется в полной мере – станет паникой.

Что-то шевелится за спиной – в глубине! Мэлори резко оборачивается. Нет, почудилось. Том с Олимпией сказали,

что он ушел – значит, ушел. Детей никогда не подводит слух.

Допустим, кроме нее здесь никого нет. Но вполне может быть *ничто*.

В голове звучит голос Тома-старшего – он умолял впустить его на чердак, когда она рожала Тома-мальчика.

Дети знают правило. Мать ушла на разведку, они должны тихо сидеть на месте, пока она не вернется. Они могут слушаться только в крайнем случае.

– Не подходи! – грозно говорит она в пустоту.

«Тварь или человек – пусть только сунется», – думает Мэлори, и ей становится немного легче.

Однако по ступеням она бежит как в детстве. Они с Шеннон взяли бы баночку с клюквой и неслись бы из подвала наперегонки, толкая друг друга локтями. Мэлори вспоминает, как один раз упала на лестнице в спальню, ободрала оба локтя и перепугалась – из-под деревянной ступеньки на нее зыркнули круглые глаза. Она тогда вскочила и с криком помчалась вверх. Оказалось, это был давно потерянный плюшевый кот Сильвестр.

Вот и кухня. Мэлори тяжело дышит от волнения. Она думает про незнакомца. Какая нелепая выдумка – перепись населения! Он говорил: кто-то поймал тварь... И угораздило же его рассказать это при Томе! Том верит в подобные сказки и обязательно захочет сам убедиться.

Мэлори медленно идет через кухню к столовой. Замирает после каждого шага. Слушает. Она теперь хорошо распозна-

ет звуки – слышит, как человек переносит вес с ноги на ногу или набирает воздух, прежде чем что-то сказать.

Сейчас ничего такого не слышно. Мэлори вспоминает голос незнакомца и вдруг понимает: несмотря ни на что, в глубине души она отчасти ему верит. Она, конечно, не повторит ошибку Дона – тот доверился Гари. И не будет полагаться на чутье – нельзя распознать намерения человека по голосу. И все же переписать выживших – не худшая затея. Кто-то наверняка этим занимается.

Ее охватывает чувство вины. Она не впустила путника передохнуть часок, не выслушала, не поделилась опытом. А ведь она кое-чему научилась. Вероятно, ее знания пригодились бы другим.

Мэлори отметаает вину. «Нет!» – твердо говорит она себе. Неважно, как меняется и приспособливается к тварям мир. Она и дети всегда будут полагаться на повязку – и только на повязку!

Мэлори у входной двери. Тянет за ручку, делает шаг и наталкивается на человека – кто-то стоит прямо на пороге. Мэлори заносит для удара нож, однако Олимпия успевает ее остановить:

– Мама! Это мы!

Мэлори не сразу верит. Она слишком погружена в мысли о Гари, Анетт, тварях, загадочном госте и его намерениях.

– Что вы тут делаете?! – Голос Мэлори звенит от ярости. – Вы забыли правило?

– Мама, случилось непредвиденное, – говорит Олимпия.

– Мы должны были тебе сообщить, – добавляет Том.

– Он вернулся! – пугается Мэлори.

– Нет, – успокаивает Олимпия, – не совсем...

Мэлори ждет. Слушает.

– Он оставил бумаги, – наконец говорит Том.

– Что?!

Сразу приходит мысль: там могли быть фотографии тварей. Мэлори ясно представляет, как дети смотрят на фото и теряют рассудок.

– Вы посмели их взять?!

– Мама, – перебивает Олимпия, – там длинные списки выживших, на много страниц.

«Наверняка они нашли имя Гари», – думает Мэлори. Ей тяжело представлять даже имя.

– И? Говорите!

Олимпия подходит ближе. Наверное, на случай если Мэлори закачается от новостей.

– Там есть список Сейнт-Игнаса, штат Мичиган... – начинает Олимпия.

– И что?

Сейнт-Игнас на Верхнем полуострове. Мэлори там выросла. Список выживших... Напрашивается предположение, однако Мэлори пока не допускает мысли...

– Мама, там твои родители. В списке. Они живы.

Глава 4

Мэлори в кабинете директора лагеря. На письменном столе до сих пор разложены канцелярские принадлежности бывшего владельца. Прямоугольный магнит для скрепок, желтый блокнот, календарь семнадцатилетней давности. Когда-то кабинет отделялся от столовой залы зеркальным стеклом – чтобы директор мог наблюдать за постояльцами, а они его не видели. Стекло давно переключалось под кровать Тома как материал для очередного приспособления, которое Мэлори все равно не разрешит конструировать. Окно в столовую затянуто черной тканью.

Мэлори места себе не находит.

Это совершенно невозможно! Даже надеяться не стоит.

Или возможно?

Нет!

Или да?.. Она видела собственными глазами: Сэм и Мэри Волш.

Ну и что? У родителей очень распространенные имена. Сэмов – хоть отбавляй. Мэри и того больше... Да и Волш не самая редкая фамилия.

Однако совпали оба имени и фамилия, к тому же в списке с Верхнего полуострова... Она не знала, что надеяться так больно. Щемит сердце, все внутри сжимается. Даже ломит кости.

Семнадцать лет назад они с Шеннон поехали за тестом на беременность. На Земле уже случилась непоправимая беда, только они с сестрой еще этого не знали. Потом Мэлори позвонила родителям, чтобы рассказать о ребенке. Это был последний разговор. Сэм и Мэри Волш больше не отвечали на звонки.

Семнадцать лет назад...

Том и Олимпия ждут в бывшей приемной – примыкающей комнатке, где раньше сидел секретарь. Мэлори благодарна, что ей дали побыть одной. Она садится, вскакивает, вновь садится. Бумаги разложены перед ней на столе. Дверь закрыта. Она тщательно проверила кабинет, прежде чем снять повязку.

Мэлори в тысячный раз читает знакомые имена.

«Неужели правда?»

Ей больно думать.

Надо идти! На север. К ним. Все эти годы она горевала и мечтала еще хоть раз увидеть маму с папой. Сказать им то, что не успела раньше.

Надо идти. Сейчас же!

А если это обман?

И когда был составлен список? Сколько лет назад? Судя по бумагам, составитель обошел почти весь Средний Запад. Сколько времени ему понадобилось? И разве подобное путешествие вообще возможно? И первый ли раз он в Мичигане? Вдруг он занес имена родителей десять лет назад?

Ох, почему же она его непустила?

Ее Сэм и Мэри Волш жили на границе с Висконсином. А город Сейнт-Игнас расположен у моста между двумя полуостровами. В принципе, им незачем было туда ехать. Особенно когда кругом конец света. Забавно, Шеннон в шутку называла концом света Верхний полуостров. Так почему Сэм и Мэри вдруг решили перебраться в Сейнт-Игнас?

Не в поисках ли дочерей?..

У Мэлори перехватывает дыхание. Нет, это слишком... Она вот-вот упадет в обморок. Или вообще лишится рассудка.

Мэлори мечется по кабинету, время от времени поглядывая на знакомые имена, не в силах сосредоточиться, не зная, что и думать. Представляет Сэма и Мэри Волш. Если они тоже остались в живых, они, должно быть, прошли через горе и ужасы. Приспособиться к новой реальности для них тяжелое испытание. Они растили детей в совсем другом мире.

Был бы здесь Том-старший! Он дал бы дельный совет...

Не слишком ли рано они с Шеннон отчаялись? К телефону никто не подходил, и они обе сразу решили: родители вряд ли выживут – не тот тип.

А как же сама Мэлори? Когда все только началось, какие у нее были шансы на выживание?

– Черт! – яростно восклицает она.

– Мам, ты как?

Это Олимпия окликает ее из соседней комнаты.

Может быть, Сэм и Мэри тоже, как и она, сумели приспособиться. Мэлори теперь мать двух подростков, она понимает, что значит быть родителем. Прежде всего, это путь, полный неожиданностей. Все непрестанно меняется. Она сама изменилась до неузнаваемости, пока воспитывала детей в новом мире. Ее вел инстинкт. Сила инстинкта помогла выжить и уберечь Тома и Олимпию от встречи с тварями.

– Нет! Не может быть! – бормочет Мэлори.

Ее папа и мама до сих пор живут в Мичигане, покрасили окна черной краской, сажают с завязанными глазами овощи. Нет! Мэлори не представляет, что родители пережили ужасы нашествия и сидят по вечерам на диване, взявшись за руки, как сидели раньше перед телевизором.

Кружится голова. Темнеет в глазах. Мэлори присаживается на край стола и погружается в воспоминания. Детство, жизнь до тварей. Это было давно. Мир стал безумным, искореженным.

Семнадцать лет.

Семнадцать лет назад она узнала, что беременна Томом. То есть тогда он еще не был Томом. И Мэлори еще не познакомилась с мужчиной, в честь которого назовет сына. Мужчиной, который оставит неизгладимый след в ее душе. Хотя он погиб семнадцать лет назад, Мэлори и сейчас мысленно советуется с ним по любому поводу.

А ее родители даже не имели шанса познакомиться с человеком, в честь которого назван их внук. Неужели они и

правда живы? Через какие ужасы им пришлось пройти?

Кто им помог?

– Они погибли, – говорит Мэлори.

Она не может поверить в обратное. Слишком больно, слишком невероятно.

Мэлори злится, когда вспоминает, как Олимпия сообщала ей новость. По голосу было слышно – она улыбается. Почему же дочь, с ее незаурядным умом и прозорливостью, не распознала наглуую ложь?! Нет их в живых! Список врет. Сэмов и Мэри Волш целые тысячи. Нет никакой переписи. Это дар вроде троянского коня. Тот, кто приходил утром, специально вписал родителей и пытается выманить Мэлори и детей из безопасного укрытия.

Он намерен положить конец их спокойной жизни в лагере «Ядин».

И возможно – почему нет? – это действительно Гари.

Мэлори бьет кулаком по столу. Обходит его с другой стороны и оттуда опять сверлит глазами страницу с именами. Когда-то давно она обыскала чемодан Гари и нашла дневник – хранитель преступных замыслов. Очень давно. Но она никогда не забудет почерк Гари и то, какой дьявольской энергией веяло от его записей.

Она изучает наклон букв.

Нет, писал не Гари. Почерк совсем другой.

Ребята ждут за дверью. Наверняка уже рисуют в воображении путешествие, вспоминают, как пришли сюда десять

лет назад. Том радуется. Олимпия продумывает, что взять с собой.

Неужели они поверили этим бумажкам? Как они умудрились вырасти настолько наивными? Все эти списки – полнейший бред! Списки выживших – вот ведь выдумали!

Выживших...

Мэлори хочется крушить. Пробить кулаком дыру в стене. Что-нибудь опрокинуть.

Она упирается ботинком в край стола, толкает изо всех сил, и он валится набок. Бумаги разлетаются в разные стороны, как птицы от удара топора по стволу дерева.

– Мама! – кричит Олимпия. – Мама, ты в порядке?

Голос испуганный. Немудрено – если кто-то бушует по другую сторону двери, современные люди сразу предполагают, что этот кто-то в комнате не один.

– В порядке! – кричит Мэлори и прибавляет саркастически: – Лучше не бывает...

Дети шепчутся за дверью.

Том, конечно, спрашивает Олимпию, почему Мэлори так странно реагирует на хорошие новости. Олимпия ему объясняет.

Потому что прошло семнадцать лет. Потому что она давно похоронила родителей. Она свое отгоревала, и чувство невосполнимой утраты уже стало частью ее личности.

И вдруг список...

Это просто жестоко по отношению к ней!

Мэлори начинает плакать. Она представляет, как Гари сидит за столом с другим мужчиной – помоложе, уговаривает его сыграть роль переписчика, обещает золото или что там еще представляет ценность в новом мире.

– Слушай, сынок, можешь кое-что переписать и отнести в лагерь «Ядин»? Третий домик. Сделаешь? Вот эти два имени не забудь внести. Понимаешь, это наживка. Отдай или оставь на пороге. Надеюсь, рыбка клюнет. Ох и давно я за ней охочусь!

– Вранье! – говорит Мэлори. – Сплошное вранье! Это невозможно! Так не бывает!

Однако имена родителей упрямо лезут в глаза.

«Сэм и Мэри Волш», – написано черным по белому. И почерк не Гари.

Еще один листок из рассеянной по полу стопки бумаг привлекает внимание Мэлори. Он выпал из середины и нагло лег на самом видном месте – будто тоже борется за жизнь. На нем еще одна небылица, дополнительный повод не верить ни слову из этих бумажек.

Описание нового способа передвижения.

Поезд, который едет вслепую.

Точно, незнакомец что-то говорил... Поезд, кстати, идет на север.

Мэлори бросает в жар. Ей душно, словно стены вокруг нее сжимаются. Он следил за ней и детьми! Не выпускал из виду все эти годы!

«Нет, нет и еще раз нет! – думает она. – Слишком заманчиво, слишком гладко».

Сочный червяк опускается в воду. Мэлори проглотила бы его с жадностью. Она уже готова взять детей, покинуть относительно безопасное место, которое десять лет служит им домом. А на платформе будет поджидать Гари.

«Родители умерли, – убеждает она себя. – Умерли семнадцать лет назад».

Мэлори подбирает листок с описанием поезда. Начинает было читать, затем снова бросает на пол.

«Не поеду! Как бы не так!»

Решено: они останутся в лагере. Здесь безопасно. Здесь Том и Олимпия выросли. Превратились из детей в девушку и юношу, умных не по годам, обладающих острым слухом и жизнерадостных, несмотря на обстоятельства. Нет, она не будет подвергать их жизнь опасности ради своих интересов.

Мэлори слегка успокаивается – решение принято. Надо забыть сегодняшнее происшествие. Список, имена, перепись населения – все.

Она идет к двери, берется за ручку и бросает прощальный взгляд на пол.

Даже издалека имена хорошо видны. Они словно высечены на камне и никогда не сотрутся. Они прочнее, чем сама Мэлори. Она умрет, несмотря на все предосторожности, а Сэм и Мэри Волш на бумаге будут жить еще долго.

Мэлори зажмуривается.

Открывает дверь... и снова закрывает, не выходя из комнаты.

Возвращается к описанию поезда.

– Мам! – зовет Том. – Тебе помочь?

Она не отвечает. Погружается в чтение: «Поезд идет по рельсам и поэтому является самым безопасным средством передвижения в современном мире. Отпадает множество рисков. Например, не вписаться в поворот, врезаться в припаркованную машину или сбить человека».

Нет! Это невозможно! Слишком хорошо, чтобы быть правдой! Мэлори уверена: не существует в современном мире безопасного средства передвижения.

Однако она продолжает читать: «Рельсы заранее очищают, поезд движется на небольшой скорости...»

Мэлори отворачивается. Ей больно. Физически больно. Неужели папа с мамой живы? Были живы все это время?

Мэлори вспоминает, как сообщила сестре, что родители перестали подходить к телефону. Какое лицо было у Шеннон... Потом вспоминает мертвую сестру на полу в ванной.

Ножницы в грудь... Своими руками...

Ее душит чувство вины – почти невыносимое. Почему она их не разыскивала, почему не убедилась, что они действительно мертвы? Семнадцать лет...

Поезд следует от станции «Ленсинг, штат Мичиган» до станции «Макино-Сити, штат Мичиган».

«Макино-Сити, – думает Мэлори. – Верхушка Нижнего

полуострова. Там начинается мост, который соединяет Нижний полуостров с Верхним».

«Максимальная скорость поезда составляет пять миль в час. Поезд функционирует на угле. Окна покрашены черной краской. Надеюсь, опишу работу поезда более подробно, когда сам воспользуюсь его услугами», – закончил статью переписчик.

– Не поеду! – говорит Мэлори, но в глубине души уже знает: поедет.

Она закрывает глаза и выходит в приемную.

– Мама, что ты думаешь? – спрашивает Олимпия.

– Мне нужно поговорить с Роном Хэнди.

– Мам, дверь закрыта, можно.

Мэлори открывает глаза. Видит покрасневшие лица.

Как они, должно быть, счастливы.

Невероятные перспективы. Сладкая ложь.

– Мы проводим! – говорит Том. – Я как раз смастерил штуку, которая...

– Нет! Я хочу поговорить с ним наедине.

Необходимо посоветоваться со взрослым человеком.

Пусть даже в два раза более запуганным, чем она сама.

Рон Хэнди – их ближайший сосед. Он обитает в трех милях от лагеря на заброшенной автозаправке. Не так уж далеко.

Рон считает себя лучшим в мире юмористом. Сейчас Мэлори готова терпеть даже его шутки, ей нужно развеяться.

Ее душит тревога. Она думает: папа с мамой могут умереть каждую секунду. Допустим, они не погибли сразу, не умерли за семнадцать лет разлуки. А ведь может быть, они прямо сейчас погибают. В эту самую минуту. Или следующую. Или следующую.

– Боже мой... – шепчет Мэлори.

Она в смятении, толком не понимает, что думает, что чувствует. Пытается представить поезд. Людей, которые его запустили. Ну доберутся они до платформы – и будут ждать месяц, год или десять лет. Они не будут знать, когда придет поезд, и нельзя будет посмотреть и проверить, не показались ли вдалеке фары.

Олимпия подходит, берет за руку.

– Все нормально, все будет хорошо.

Слова дочери не успокаивают. Семнадцать лет. Семнадцать лет разлуки.

– Мне нужно переговорить с Роном Хэнди, – повторяет Мэлори. Надевает повязку. Она надевала ее столько раз, что жест стал привычным – как заправить за уши волосы.

– Глаза закрыли? – спрашивает она детей. Даже сейчас не теряет осторожности. Сейчас, когда с таким трудом налаженный мирок трещит по швам, когда ей физически больно от надежды и от того, что придется второй раз пережить потерю родителей. Даже в эту трудную минуту она спрашивает у детей, закрыты ли глаза.

– Да.

Это Олимпия.

– Закрыты.

Это Том.

Мэлори выходит в столовую. Чувствует под ногами деревянный пол. Удивляется – неужели осталось что-то прочное? Вся жизнь обращается в хаос, Мэлори падает в темноту, ей не за то зацепиться и непонятно, как поступить.

Глава 5

Мэлори познакомилась с Роном Хэнди десять лет назад. Когда она со своими тогда еще шестилетками искала новый приют, то сначала наткнулась на жилище Рона. Мэлори издалека почувствовала запах бензина. И пошла на запах – думала разжиться в магазине консервами или еще какой-нибудь едой. Оказалось, в мичиганской глуши живет Рон Хэнди. Его дом – крепость. Окна и щели заколочены досками, обиты толстыми матрасами, укреплены железными листами и даже автомобильными дверцами. Рон, насколько Мэлори известно, не снимает повязку даже внутри.

Под ногами хрустит гравий – это обочина дороги, на той стороне – заправка Рона. Нервы у Мэлори на пределе, в голове – неразбериха.

Мэлори давно не навещала соседа, уже года три. А сам Рон ни разу не заходил к ним в лагерь. Он вообще никуда не выходит. Никогда.

Привычка смотреть по сторонам, когда переходишь дорогу, отмерла за ненадобностью. Мэлори пересекает проезжую часть и попадает на территорию заправки – здесь уже мелкая галька.

Откуда ей знать, что Рон жив? Возможно, обезумевшие мухи уже давно кружат над его разлагающимся трупом и откладывают в нем яйца...

Как и в трупях Сэма и Мэри Волш.

Мэлори ударяется ногой о что-то твердое – она дошла до крепости Рона. Стучит в обитую досками стену. Хотя стучать нет необходимости. Хозяин, если только он жив, наверняка уже услышал шум.

– Мэлори, это вы?

Значит, за последние три года она – его единственный гость.

– Да, Рон! Я!

Ей не нравится собственный голос – слишком взволнованный. Убедилась ли она, что Том с Олимпией в третьем домике и будут ждать ее там? Или забыла в спешке?

Рон отпирает дверь. До нашествия это заняло бы секунду, а теперь Мэлори долго слушает, как щелкают замки и засовы, словно Рон сдвигает с пути тысячу мелких металлических предметов.

Наконец доносится скрип. Ее обдает душной волной застоявшегося воздуха. Из комнаты ужасно пахнет. Живущий там не моется и никогда не проветривает.

– Мэлори! – восклицает Рон.

Судя по голосу, он рад, хоть и не очень бодр. Выговор у него аристократичный. Десять лет назад Мэлори тоже сразу обратила внимание на его манеру речи. Про таких, как Рон, раньше говорили «слишком умный».

– Добрый день! – здоровается Мэлори. – Найдется минутка?

Рон смеется. Смешно, потому что «минуток» у него предостаточно – он только и делает, что сидит в своем бункере в темноте и одиночестве.

– По правде говоря, я ожидал компанию друзей и родственников, однако они запаздывают. Заходите, угощу вас свежими булочками.

Мэлори выдавливает улыбку. Сегодня она не в настроении шутить над суровой реальностью. Имена родителей засели в голове. В душе теплится надежда, однако она вот-вот затухнет.

– Вы чем-то взволнованы, – произносит Рон. – Надеюсь, с детьми все хорошо? Позволю себе заметить, они уже не дети...

– Рон, к вам кто-нибудь заходил? Человек из переписи населения?

Мэлори обязательно видеть лицо Рона, чтобы понять, насколько он напуган ее вопросом. Одного упоминания о чужаке, который стучится к нему в дом, может быть достаточно, чтобы Рон молча захлопнул перед ней дверь.

Однако Рон пока не убегает.

– Нет, – медленно отвечает он, и Мэлори слышит, с каким трудом ему дается каждое слово.

Рон пытается шутить:

– Хотя возможно, я просто спал или глубоко задумался и принял стук за плод воображения...

Неудавшаяся шутка виснет в воздухе. Рон продолжает:

– Зайдете? Я в последнее время, знаете ли, не слишком люблю прогулки.

Мэлори заходит. Она до сих пор ошеломлена, ей не терпится поделиться с Роном. Снова приходится долго стоять с завязанными глазами и слушать, как он звенит засовами.

– Раньше я жил в офисе. Вот только там весьма подозрительное окно. Я его, конечно, загородил и двадцать раз проверил. И все же... оно мне не нравится.

Мэлори едва не вскрикивает от неожиданности, когда Рон дотрагивается до ее руки.

– Я переехал, – продолжает Рон. – Теперь обитаю в кладовке среди фильтров и канистр с машинным маслом. Признаться, иногда думаю – а не распить ли одну из них?

– Ну что вы, Рон...

– Видите ли, я не слишком приспособлен к новому миру. Ну да ладно!

Он тянет Мэлори за руку, ведет в глубь дома. Продвигаться легче, чем раньше, – Рон, вероятно, частично избавился от хлама. «Даже в самом отчаянном положении человек пытается обустроить жилище», – отмечает про себя Мэлори.

Впрочем, пахнет по-прежнему ужасно. Смесь пота и бензина. А еще мочи и не только...

Мэлори идет за Роном по узкому проходу. Это, наверное, коридор, просто узкий из-за громоздящихся вдоль стен вещей.

– Вот мы и пришли, – объявляет Рон.

Мэлори не слушает, она думает о родителях.

Не может быть! Неужели они живы?

– Хотите выпить? У меня есть немного виски. Я как раз искал повод.

– Нет, спасибо, Рон.

– Давайте присядем! Представляете, я держу в доме целых два сиденья. Хотя, может быть, зря.

Он снова тянется к руке Мэлори и натывается на стопку бумаг.

– Что это у вас?

Голос звучит настороженно.

– Это оставил человек, который ведет переписку.

Если бы Рон немедленно выставил ее за дверь, Мэлори не удивилась бы. Однако он берет ее свободную руку и усаживает на деревянный табурет.

– Рон, вы слышали о поезде? – спрашивает она.

И сама себе кажется сумасшедшей. Какой нелепой, должно быть, представится Рону Хэнди вся эта история. Он-то не выходил за пределы заправки уже много лет.

– Слышал, – неожиданно отвечает он. – Поезд, который идет вслепую.

– Что вы знаете? – поспешно спрашивает Мэлори.

– Позвольте для начала поведать вам, каким образом я о нем узнал. Должен предупредить – я ужасно боюсь. И включу совсем ненадолго – если нам нельзя их видеть, вероятно, слышать тоже не стоит.

Мэлори обхватывает себя за плечи, нащупывает длинные рукава толстовки, вспоминает Анетт. Рыжую Анетт, бегущую с ножом по коридору школы для слепых.

Громко шипит радио. Мэлори вздрагивает. Затем слышен голос диктора:

– ...до нашествия я очень это любил!

Рон быстро щелкает выключателем.

– Видите, не так уж я отстал от жизни. На этой самой волне как-то упомянули поезд. А что вызвало ваше любопытство? Не бумаги ли, которые вы держите?

– Да, они.

– Полагаю, вы принесли их сюда, чтобы я прочитал. Соответственно, я должен буду снять повязку...

Мэлори понимает: еще немного – и момент будет упущен. Сейчас Рон объявит, что не намерен ничего читать, и вежливо попросит ее удалиться.

– Там есть список выживших! – быстро говорит она. – По многим штатам, по каждому городу.

– Правда?

– Да, я нашла своих родителей.

– О, Мэлори... – сочувственно произносит Рон, а затем раздаётся давно забытый звук: бульканье разливаемого по стаканам спиртного. – Возьму на себя смелость утверждать, что выпить вам все же не повредит. Да и мне. Если я собираюсь читать, мне придется снять повязку.

Мэлори никогда раньше не видела Рона Хэнди. Только

слышала голос. Она много раз говорила с ним через дверь и заходила в гости. Однако ради собственной безопасности Рон всегда настаивал, чтобы она оставалась в повязке.

Мэлори ощущает тыльной стороной ладони холодное прикосновение – Рон подает ей стакан. Она принимает.

– Ну что? Готовы? – спрашивает Рон.

Голос у него взволнованный. Нервничает. Мэлори тоже. Что она сейчас увидит? Как выглядит Рон Хэнди?

– Рон, вы совсем не обязаны...

– Нет-нет. Я хочу, – возражает Рон.

Мэлори слышит его учащенное дыхание, скрип стула.

– Боже мой! – восклицает Рон Хэнди. – А вы красавица!

Я и не знал, что живу рядом с мечтой! – Потом добавляет: – Длинный рукав. В жаркий день. Вы считаете, они могут прикоснуться?

Мэлори снимает повязку. Рон Хэнди крупнее, чем она ожидала. Похож на большого напуганного ребенка. Оба неловко улыбаются.

– Да, – говорит она, – считаю.

– Вы рассказывали о слепой женщине, которая сошла с ума. Все время о ней думаете, да?

– Да...

– Понимаю.

Они какое-то время стоят, уставившись друг на друга. Изучают. У Рона уставшее лицо, в глазах страх. Еще приходит мысль: до нашествия Рон, наверное, был состоятельным

человеком.

– Спасибо, что назвали меня красавицей, – улыбается Мэлори. – Я живу с двумя подростками. Мне давно не говорили ничего приятного.

Рон протягивает руку со стаканом, они чокаются.

– Выпьем за дружбу! – произносит Рон. – И за то, чтобы сохранить рассудок, как бы твари ни старались нас его лишить.

Они пьют.

Мэлори изумляется: как же много кругом хлама! Кучи всякой всячины громоздятся от пола до потолка. Радиоприемник. Детская кроватка. Коробки с проводами и инструментами. Одежда и консервы. Банки с краской, старые журналы и канистры с бензином. Рон стоит рядом с раскладным садовым стулом. На нем спортивная куртка на молнии и шорты.

– Не скажу, что это дом моей мечты. Однако в сложившихся обстоятельствах... Вероятно, я неплохо устроился.

Рон усмехается. Мэлори не в силах выдавить из себя улыбку. Строка «Сэм и Мэри Волш» стоит у нее перед глазами.

Сэм и Мэри Воли.

Надо трогаться сейчас же! Иначе она опоздает, и свой последний вздох родители сделают без нее.

Рон указывает на бумаги.

– Фотографий нет?

В глазах страх. Паника. Того и гляди передумает...

– Нет. Я тоже опасалась фотографий. Здесь записи, диаграммы...

– И?..

– Много чего, Рон.

Рон кивает. Смотрит прямо в лицо.

– Почему мне так страшно?

Мэлори понимает его чувства. Вот уже десять лет она не испытывала подобного – близости с другим взрослым. Она тронута до слез. Однако не позволяет себе плакать.

Протягивает Рону бумаги.

– Верхний лист – про поезд, – говорит она.

Рон смотрит на пачку бумаг. Делает глоток виски.

– Что ж, от судьбы не уйдешь, – вздыхает он.

– Что? – не понимает Мэлори.

Рон улыбается.

– Сколько ни прячься от нового мира, он все равно тебя достанет. Рано или поздно.

Мэлори думает об утреннем госте. Рон щурится, читает. Изредка кивает.

– Да, по радио говорили – в штате запущен поезд. Ведущий (очевидно, единственный сотрудник радиостанции) говорил, что сам он в поезде не был.

– А что ведущий еще сказал?

– Что это небезопасно.

– Почему?

– Ума не приложу! Может быть, потому что у машиниста

завязаны глаза?

Рон выжидающе улыбается. Ждет реакции. Мэлори не в состоянии оценить юмор.

Рон снова принимается за чтение.

– Да, Ленсинг. Хотя, если быть точным, Ист-Ленсинг. Это два разных города, вы в курсе?

– Да, знаю.

Ист-Ленсинг – университетский городок. Там расположен сельскохозяйственный университет.

– Как далеко мы от Ист-Ленсинга? – спрашивает Мэлори.

Рон не слышит.

– Весьма занятно, – бормочет он, склонившись над бумагами. – Наличие рельс якобы делает путешествие безопасным... Следуя этой логике, самое надежное средство передвижения в наше время – американские горки. Не махнуть ли нам в Сидар-Пойнт, Мэлори?

К счастью, Мэлори не приходится изображать улыбку. Рон снова погружается в чтение, не дожидаясь ее реакции.

– Сколько миль до Ист-Ленсинга? – повторяет она вопрос.

– Около тридцати. Разумеется, необходимо узнать поточней, прежде чем отправляться в путь.

У Мэлори земля уходит из-под ног. Она чувствует, как надежда, которая зародилась в ней и, несмотря ни на что, крепла, – теперь обращается в пыль.

– Тридцать... Нет, никак невозможно, – произносит она и уже поднимается, чтобы уйти.

Рон, наоборот, садится на стул.

– Да, тридцать миль – задача не из легких. Хотя однажды вы проплыли по реке двадцать. Уму непостижимо – каким образом.

– Черт возьми, – в отчаянии произносит Мэлори.

Ловит внимательный взгляд Рона. Он смотрит пытливо – ждет ее решения. Словно надеется стать свидетелем смелого поступка.

– До нашествия, – говорит он, – тридцать миль проходили часов за восемь. Из расчета миля за четверть часа.

– С открытыми глазами. И не сбиваясь с курса.

– Значит, теперь выйдет в два раза дольше. Или в три. Или еще больше. Я бы сказал – нужно дня три.

Мэлори задумчиво молчит.

– Не хочу вас расстраивать, – продолжает Рон, – только где гарантия, что поезд вообще появится? И как часто он ходит? И что там за люди? Кто, по-вашему, мог ввязаться в подобный проект?

От Рона исходит страх. Мэлори почти физически ощущает волны ужаса.

Рон подается вперед, скрипнув садовым стулом.

– Вы только представьте: кто в наше время решится запустить поезд? Словно они не боятся тварей. Почему?

«Безумцы...» – думает Мэлори. Представляет, как Анетт сидит на месте машиниста, а Гари ходит по вагонам и проверяет билеты.

– Нет, идти нельзя, – говорит она и пытается придать голосу твердости. Не получается – слова звучат неуверенно, решение не ложится на душу.

– Подождите, – успокаивает Рон, – давайте еще почитаем, поговорим...

Мэлори вскакивает и меряет комнату шагами, пока Рон просматривает бумаги. Перед ней мелькают образы: мама с папой возятся в огороде, светит солнце. Родители живы. До сих пор. Даже не догадываются, что их дочь в здравом уме и думает о них в эту самую минуту.

Как они были бы счастливы, если бы она вдруг объявилась, да еще с внуками!

Мэлори садится. Снова встает. Опять садится. Папа хорошо рубил дрова. Они с мамой оба прекрасно готовили. Умели выращивать себе пропитание. Зачем им понадобилось ехать к мосту?

Кто-то их отвез? Может быть, против воли? Даже если поехать, где гарантия, что она их найдет?

Переписчик, однако, нашел...

Эта мысль успокаивает. Раз он нашел, то...

– Убежища. Вы читали про убежища? Невероятно... – Рон с головой ушел в чтение.

– Убежища? – переспрашивает Мэлори.

Рон улыбается, однако он заметно помрачнел. Что-то подсказывает Мэлори – сегодня он больше не будет отпускать остроты.

– Здесь написано: «Яма размером двенадцать на восемь футов. Надежный бункер. На случай если твари завладеют Землей окончательно». Да... Звучит не слишком заманчиво.

Мэлори хотела бы успокоить Рона: он умудрился прожить десять лет на автозаправке. Ему не нужен бункер. Он может жить дальше и совсем не думать о внешнем мире.

Рон смотрит на Мэлори поверх стакана, глотает виски. Ужас в его глазах разрастается. Теперь он уже зол на Мэлори за этот визит. Однако Мэлори знает: Рон Хэнди умен, он готов внять голосу разума.

– По описанию больше похоже на могилу, – говорит она.

– Да уж. Я, пожалуй, воздержусь. Предпочитаю хоронить себя на поверхности, – отвечает Рон.

Все-таки шутит. «Это хорошо», – думает Мэлори.

Рон продолжает читать.

– Боже! – вдруг восклицает он. – Боже правый!

Мэлори догадывается, чем вызвана паника. Эх, надо было предупредить Рона заранее...

Рон быстро откладывает бумаги – прямо на испачканный машинным маслом пол. Вытирает руки об одежду. Он в ужасе. Мэлори еще никогда не видела человека, настолько охваченного страхом. Даже соседи по первому дому были спокойней.

– Вы это видели?! – восклицает Рон неестественно высоким голосом.

– Что? – настораживается Мэлори.

А вдруг там рисунок? Или фотография? Вдруг она пролистнула и не заметила?

Нет, Рон имеет в виду другое.

– Пишут, будто кто-то... ее поймал.

– Ерунда, – быстро говорит Мэлори. – Это невозможно.

– Даже сама идея – попробовать...

Рон ставит стакан на банку с краской и снова тщательно вытирает руки – стирает с пальцев следы бумаги с упоминанием о поимке твари.

– О, Мэлори, – стонет он, – это слишком! Это слишком для меня!

– Простите, Рон.

Все, пора уходить. Надо встать и оставить его в покое. Зачем она вообще пришла?

– Моя сестра... тоже в списках, – говорит Рон.

– Что?

Рон поднимается и поворачивается к Мэлори спиной.

– Моя сестра, Мэлори! – почти кричит он.

– В списке выживших?

Мэлори смотрит на отложенные им бумаги.

– Да! В списке выживших. Я же говорю: имя моей сестры в списке!

Мэлори не знает, что ответить. Она сама еще не переварила новость про отца с матерью.

– Боже мой, боже мой, боже мой! – твердит Рон.

Мэлори подбирает с пола стопку бумаг. Она кожей чув-

ствует состояние Рона – его беспомощность и тоску. Теперь он знает: его сестре удалось пережить нашествие. Он долго жил отшельником, и вдруг появился повод выйти в новый мир.

Рон снова садится на стул и смотрит прямо перед собой невидящими потемневшими глазами. Его улыбка пугает.

Не переставая улыбаться, он тянется к подлокотнику, надевает повязку и крепко завязывает узел на затылке.

Что тут скажешь? Ничего не надо говорить. Надо встать и идти.

– Спасибо, что впустили, Рон! – прощается Мэлори.

Чувствует, что все же должна задать вопрос, и добавляет:

– Рон, а вы согласились бы сесть на поезд, чтобы снова увидеть сестру?

– Что? – Рон будто не понимает, о чем идет речь. Будто Мэлори спрашивает о сущей безделице, о которой он уже успел позабыть за более важными мыслями.

– Ах, поезд... Мне и не пришлось бы. Она в Сотаке. На юге от нас.

Мэлори не в силах удержаться и продолжает:

– А вы не думаете?... Возможно, вам пошло бы на пользу...

Рон резко протягивает руку и включает радио на полную громкость. Мэлори поспешно ставит на пол свой недопитый виски и встает.

Рон крутит ручку передатчика. Что-то говорит – Мэлори видит, как шевелятся губы. Однако шум радиоволн заглуша-

ет слова.

Хорошо бы его поблагодарить. Успокоить: необязательно искать сестру сегодня. Он может отправиться завтра. Он волен делать что захочет, когда захочет. Он заслужил это право.

В конце концов, может вообще не разыскивать.

И все же...

«Он должен попытаться», – думает Мэлори.

Внезапно ей становится понятно: Рон Хэнди должен идти к сестре.

Иначе он будет влачить лишенное всякого смысла существование. И умрет один в своей грязной берлоге.

С безжалостной ясностью приходит осознание: она, Мэлори, отправляется к родителям.

Решение принято, и у Мэлори захватывает дух.

Она надевает повязку. Из радиоприемника доносится женский голос: «Твари не стали выше. Они стали *шире*. Они теперь занимают больше места в пространстве».

Рон пинает приемник.

– Замолчите! – кричит он.

На кого он злится? На диктора? На тварей? Или на Мэлори?

– Идите к поезду, Мэлори! – говорит он, выключая звук. – Пожалуйста, ради нас обоих, идите!

Он плачет – слышно по голосу.

– Я пойду, – обещает она. И тоже плачет с закрытыми гла-

зами. – Рон, простите, я не хотела вас расстраивать. Испортила вам день... Мне очень жаль.

– Найдите поезд, Мэлори! – говорит он.

Потом усмехается. Шутки всегда помогали ему выжить.

– А теперь проваливайте! Ко мне вот-вот заявится орава друзей. Нужно привести себя в порядок.

– Спасибо, Рон!

Мэлори думает про поезд. Про расстояние, которое предстоит преодолеть. В ее воображении тридцать миль кажутся бесконечными, будто разматывающаяся нить упавшей катушки.

Она найдет поезд.

Она поедет.

К родителям.

– Мэлори!.. – окликает Рон.

– Я здесь.

– Будьте добры, заберите эту гадость. Нельзя, чтобы меня застали за чтением подобного вздора. Я, между прочим, уважаемый человек. Ученый. Великие умы вроде меня должны заниматься своим делом. А именно – сидеть и ждать неминуемой смерти. В полном покое. И одиночестве.

Глава 6

Том пакует рюкзак. Вообще хорошо бы иметь еще сумку. Слишком много нужных вещей. Выход в большой мир – отличный шанс проверить изобретения в действии. Конечно, придется прятать их от матери. Что ж, если все не помещается, он лучше обойдется без сменных штанов, обуви... еды наконец.

Мать в главном доме – запасается консервами. «Путь будет долгим», – сказала она им с Олимпией. Они с сестрой пришли в лагерь «Ядин» десять лет назад и с тех пор далеко не отходили. Том хорошо помнит реку. И школу для слепых. И как они долго плутали после побега из школы, пока не добрались до лагеря. До дома. Да, лагерь «Ядин» для них дом. Том знает каждый скрип и шорох. Знает, как ветер шелестит листвой, как плещется вода в озере. Мать могла бы не сообщать, что идет в кладовую, – он бы и так понял. Он прекрасно слышал, как скрипнула, открываясь, дверь главного дома и захлопнулась за Мэлори.

– Боишься? – спрашивает Олимпия.

Том смотрит на сестру. Ее кровать в другом конце комнаты – со времен последней перестановки, два года назад.

– Чего бояться-то? – бурчит он.

Но голос предательски дрожит. И кроме того, от Олимпии все равно ничего не скроешь, она без слов понимает.

Олимпия смотрит серьезно. Ее взгляд словно говорит: «Так ли уж нечего? Знаешь, какие ужасы нас ждут?» Как две капли воды похожа на Мэлори, даром что не родная дочь.

– Ну, боюсь немного, – нехотя соглашается Том.

Он стоит на коленях и перебирает изобретения, спрятанные под кроватью. Например, приспособление, похожее на очки для солнечных затмений, – маска с отверстиями для глаз, защищенными фильтром. Нечто подобное стало причиной безумия жительницы Висконсина, как они недавно прочитали, – Том, конечно, усвоил урок. Интересно, сколько еще новшеств, которыми он втайне гордится, на деле не работают? Однако Том не позволяет себе унывать.

– Маме понадобится наш слух, – говорит Олимпия.

– Знаю.

– И не только слух...

– Ты о чем?

– Понимаешь, она сейчас переживает... Ей будет тяжело... – начинает Олимпия.

– Олимпия, ты явно перечитала книгу!

– Том, я серьезно!

– Мама переживает? Ты правда думаешь, ее волнует что-то, кроме повязки?

Он извлекает из-под кровати шлем. Защитное стекло, по идее, должно опускаться автоматически – от нажатия кнопки, однако сейчас заклинило.

– Ты шутишь? Скажи, что шутишь, Том!

– Для мамы главное – правила безопасности. Остальное неважно.

– Да, она доверяет только повязке. Как и мы.

Том оборачивается к сестре.

– Как и мы? Мы-то с тобой родились и выросли после нашествия! Мы должны разбираться в жизни получше мамы – не думаешь?

Олимпия краснеет. Она всегда краснеет, когда сердится.

– Том, сейчас не время что-то доказывать! Мама напугана до смерти. Нам нужно пройти тридцать миль. Ты хоть представляешь, как это много?

– От школы до лагеря было дальше. Мы же дошли. Нормально добрались.

– Забыл, как мы плутали с завязанными глазами?

Том возвращается к своим изобретениям. Вытаскивает гимнастический обруч; его полагается носить на талии в качестве защиты – чтобы не соприкоснуться с внешним миром. На обруче болтаются пластмассовые трубки.

– Помню, помню... – сдает позиции Том.

С Олимпией лучше не спорить. Начнет доказывать – уже не остановишь. Он меняет тему:

– А ты что с собой берешь?

– Одежду, походные вещи. Все, что мама сказала.

– А еще? – хитро улыбается Том.

– Больше ничего.

Ну да, как же! Олимпия тоже кое-что припрятала. Том

точно знает.

– А книжки?

– Нет!

– Нет?

Том быстро пересекает комнату. Олимпия пытается незаметно засунуть стопку книг под кровать.

– А это что? – восклицает Том. – Почему тебе можно брать дополнительные вещи, а мне нельзя?

– Перестань!

– Так почему же?

– Хотя бы потому, что мои вещи не представляют смертельной опасности.

Обидно! Как она может так обесценивать его старания?

– Знаешь что... – не выдерживает Том. – Иди к черту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.